

Обычно Серёжа списывал

Обычно Серёжа списывал уроки у Сереберцевой и относился к этому спокойно: «Ну и что? Ерунда. Она же меня любит». Но иногда с Серёжей что-то происходило, и нехорошие мысли — «А вдруг Сереберцева меня разлюбит?» — не давали ему уснуть.

И тогда он ночью вставал с постели, садился за письменный стол и пробовал решить задачу по математике или выучить наизусть стихотворение. Но у него ничего не получалось.

Тогда Серёжа начинал волноваться и звонил Сереберцевой.

— Алло, — говорил папа Сереберцевой хриплым голосом.

— А Лену можно? — спрашивал Серёжа.

— Что?! Опять?! В четыре часа ночи?! — кричал папа Сереберцевой. — Я тебе покажу Лёну!!! Безобразие!!! — И бросал трубку.

После таких разговоров Серёже становилось ещё хуже. К счастью, эти нехорошие мысли приходили не каждый день, а только по воскресеньям и четвергам.

О том, как Серёжу перестали уважать

Серёжа был в своём классе очень уважаемым человеком, потому что он был самым сильным. И это подтверждала отметка по физкультуре — неизменная пятёрка с плюсом.

К Серёже все обращались за советом. Например, как поступить с дневником, в котором появилась двойка? А как с учителем, поставившим двойку? А как с родителями, не покупающими компьютер? А как с Сереберцевой?

И Серёжа всегда с удовольствием давал бесплатные советы. Например, дневник растворить в пепси-коле, назло родителям заболеть свинкой, а Сереберцеву, как обычно, толкнуть, чтоб загремела, а учителю наперчить носовой платок и засунуть кактус в рукав пальто.

Потом Серёжа привык и перестал получать удовольствие от своего положения. Тогда он написал: «Бесплатных советов не даю». И повесил табличку себе на грудь.

Но без Серёжиных советов уже никто не мог обойтись. Повздыхали, поворчали и, что поделаешь, стали платить. Денег ни у кого не было — стали платить бутербродами.

Ел Серёжа бутерброды, ел, ел, ел и через три месяца так поправился, что не то что прыгнуть

в высоту на метр двадцать, а вообще оторваться от пола не мог.

Стали Серёже по физкультуре ставить двойки. Как он ни кричал: «Да вы что, не узнаете меня, что ли?! Это же я, Серёжа!!!» — всё равно ставили двойки.

А потом случилось непоправимое — Зубов обозвал Серёжу дирижаблем. Хотел Серёжа дать Зубову пинка, но не смог свою поправившуюся ногу поднять.

С этого времени Серёжу уважать перестали и, конечно, за советом к нему больше никто не обращался.

Одна буква

Однажды Гаврилов Серёжа прочитал на школьном заборе: «Гаврилов, я тебя люблю. ТАНЯ».

«Какая же это Таня?» — задумался Серёжа. В одном только Серёжином 5 «Б» было четыре Тани.

На следующий день Серёжа пришёл в школу и сосчитал всех Тань. Получилось — тридцать две.

Серёжа стал по очереди подходить к каждой и задавать один и тот же прямой вопрос: «Извини, случайно не ты ли в меня влюбилась?»

И когда все тридцать две Тани (в том числе завуч — Татьяна Васильевна) ответили «Да как ты смеешь!», Серёжа даже заболел.

У него начался насморк и поднялась температура. У него стала подёргиваться правая щека. Серёжа перестал узнавать маму и папу. Он стал громко смеяться, когда по телевизору показывали бокс.

И поэтому на следующий день родители не пустили Серёжу в школу.

А вечером позвонила Кошелева Аня.

— Здравствуй, Серёжа, — сказала Аня. — Ты почему сегодня не пришёл? Без тебя учёба в школе потеряла для меня смысл.

— Я заболел, — ответил Серёжа. — Потому что не знаю, какая Таня в меня влюбилась.

— Это я в тебя влюбилась, — сказала Аня. — Просто кто-то букву «Т» подписал.

— Ах вот оно что! — воскликнул Серёжа. — Тогда я сейчас выйду.

— Давай, — сказала Аня. — Пойдём погуляем, там, где ЗАГС.

Не выдержал испытания

Однажды Серёжа решил выяснить, может ли он себя считать настоящим спартанцем. (Спартанцы, как известно, спокойно — «по-спартански» — переносили любую боль.) Серёжа надел футболку с короткими рукавами, шорты и пошёл вечером на болото.

Стоит Серёжа на кочке, комары его кусают, а он терпит и даже улыбается.

Многие комары, не привыкшие к таким хорошим условиям, умирали от обжорства и удивления.

Слух о том, что на болоте стоит мальчик, которого можно есть сколько хочешь, за десять минут разнёсся по лесу. И на Серёжу сбежались все, даже черепаха приползла.

Получилась очередь.

Первым подошёл медведь. Только медведь сел на щёку и хотел укусить, как у Серёжи сдали нервы, и он хлопнул по медведю рукой.

Очередь разбежалась, а Серёжа вздохнул и пошёл домой.

— Ну что, выдержал испытание? — спросила мама.

— Нет, — грустно ответил Серёжа. — Не готов я ещё стать спартанцем. Зато я тебе медвежью шкуру принёс.

И Серёжа отколупнул от щеки шкуру и дал маме.

Дневник

Однажды Серёжа нашёл дневник Селезнёвой Кати — ученицы 5 класса «Б» 545-й школы. В дневнике были пятёрки с подлинными подпися-

Показывали по телевизору

Однажды Серёжа заметил, что в трамваях, автобусах и троллейбусах у бабушек и дедушек не проверяют билеты. «Ага, — подумал Серёжа, — отличный способ накопить». И когда мама очередной раз дала деньги на проездной, он вместо проездного купил в театральном магазине бороду и усы.

Отправляясь в школу, Серёжа приклеивал себе бороду и, замаскировавшись таким образом под дедушку, садился в трамвай и не платил за проезд.

Ещё было хорошо, что ему всегда уступали место. А однажды Коля Фролов из 4 «А» перевёл Серёжу через дорогу. Правда, на красный свет.

Так Серёжа ездил целых две недели и уже начал думать, что купить на следующие двести рублей. Но...

Но... Трамвай резко затормозил, девочка ухватилась за Серёжину бороду, борода отклеилась, и все увидели, что Серёжа не дедушка.

Этот случай показывали по телевизору. А контролёры после этого случая стали дёргать всех дедушек за бороды, проверяя, настоящие они или нет.

В месяц ловили 846 ненастоящих дедушек.

Герой

Серёжа считал себя героем.

— Во-первых, — сказал себе Серёжа и загнул указательный, средний и безымянный пальцы на правой руке, — я спас жизнь Селезнёвой.

— Как это ты спас жизнь Селезнёвой? — усмехаясь, спросил себя Серёжа голосом Тарлычёва. — Это надо ещё доказать.

— Очень просто, — ответил Серёжа своим собственным голосом. — Селезнёва тонула в Северном Ледовитом океане, а я её вытащил за волосы.

— И конечно, она потеряла сознание и ничего не помнит, — усмехнулся голос Тарлычёва.

— Помню. Всё помню до мельчайших подробностей, — возразил Серёжа голосом Селезнёвой.

— Слышал? — сказал Серёжа своим собственным голосом.

— Что ж, поздравляю, — ехидно сказал Серёжа голосом Тарлычёва. — Жених и невеста.

— Дурак! — сказал Серёжа голосом Селезнёвой.

— Сама дура! — сказал Серёжа голосом Тарлычёва.

Что новенького на стенках

Однажды Серёжа болел ангиной, но всё равно пришёл в школу и написал на стенке: «"Торпедо" — чемпион», потому что он болел за «Торпедо». Написал и упал от слабости.

Эту надпись увидела Сереберцева. Она стёрла «Торпедо» и написала: «Ньютон — чемпион», потому что была отличницей и ньютоновской фанаткой.

Эту надпись увидела учительница по химии. Она стёрла «Ньютон» и подписала «Менделеев».

Эту надпись заметил директор школы. Он качал головой и написал: «Наша школа — чемпион. Мы все — одна семья».

Эту надпись заметила уборщица тётя Тамара. Она всё стёрла и написала большими буквами нитрокраской: «Как вам не стыдно! Ай-ай-ай! Зачем вы стёрли Серёжино «Торпедо»? Серёжа с температурой пришёл в школу, а вы стёрли. «Торпедо» — чемпион».

Тётя Тамара была Серёжина бабушка.

Эту надпись увидела Сереберцева. Она стира-
ла её два часа, но так и не стёрла.

Пластическая операция

Серёжа умел притворяться, что спит. Закроет глаза, а на самом деле всё слышит и даже видит — в щёлочки. Благодаря этому умению он знал, что думают о нём окружающие.

— Красавец, — смело говорила Чеснокова, глядя на спящего Серёжу.

— Жалко, нос торчит, — огорчалась Сереберцева. — Большеват.

Так как Серёже нравилась Сереберцева, а не Чеснокова, он решил сделать пластическую операцию — уменьшить нос.

Пришёл Серёжа к хирургу, всё объяснил, а хирург говорит:

— Зачем тебе уменьшать нос? Всё — относительно: если ты увеличишь себе щёки, нос на фоне больших щёк будет казаться маленьким. Увеличить щёки можно без хирургического вмешательства. Просто надо есть побольше макарон.

Серёжа стал есть очень много макарон, и через месяц действительно у него увеличились щёки и нос перестал казаться большим.

Серёжа пришёл в школу, лёг на парту и сделал вид, что спит.

— Что-то Гаврилов сильно растолстел, — сказала Чеснокова, — щёки как подушки.

— Ты ничего не понимаешь в мужской красоте, — сказала Сереберцева, — теперь у него всё гармонично.

И после этого подслушанного разговора Серёжа смело пригласил Сереберцеву в кино.

— Ах, — сказала Сереберцева, — ты читаешь мои мысли!

«Не читаю, а подслушиваю», — усмехнулся про себя Серёжа.

Разговор о тяжёлом детстве

Дедушка был старый и очень любил игрушки.

— Дедушка, а что такое старость? — спросил как-то Коля.